

Культура. - 1998. - 9-15 июля. - с. 6

Мы были молоды, счастливы и веселы

Отрывки из книги Нами Микоян "С любовью и печалью"

Мне повезло, я видела с детства очень интересных людей – были это и политики, и простые люди, художники, композиторы, военные, чиновники и многие другие, кто по тем или иным причинам запечатлелся в памяти. Писала я всегда, но для себя самой, как дневниковые зарисовки. Эта книга тоже носит характер личных зарисовок, и сейчас, когда она уже закончена, я вижу, как много осталось вне этих страниц. Моя книга с женским названием "С любовью и печалью" скоро выйдет в издательстве "Терра", а несколько фрагментов из нее я предлагаю читателям "Культуры". Меня не тянуло описывать "кремлевских" жен, дочек, невесток и прочих дальних родственниц: Я писала то, что видела сама, не обращаясь к документам, к чьим-то рассказам, не пыталась анализировать время или поступки. Это дело читателя. Я писала о людях, чья жизнь или поступки были сами по себе незаурядны, значительны и привлекали меня настолько, что я до сих пор помню дворника Джемала с Тбилисской улицы, который собирал для отъезда мне вещи после смерти моих родных, и, конечно, главной болью моей жизни оказалась гибель отца в 1937 году на моих глазах, а главным счастьем дальше было общение с людьми, чей внутренний мир, способность к взаимопониманию, доброжелательность, нравственная глубина помогли мне выжить и не потерять то, что было заложено в меня родителями в раннем детстве. Благодаря таким людям я научилась серьезно любить и людей, и свою землю, и детей, и весь мир, сегодня растерзанный и страдающий, любить и болеть за все, что вокруг.

Нами МИКОЯН

Хачатурян

Когда я работала в журнале "Советская музыка", мне часто приходилось бывать у Д.Шостаковича и у А.Хачатуряна. Редакция журнала была в том же доме, где жили эти академики музыки. В начале 60-х годов Дмитрий Дмитриевич был не женат (его первая жена Нина, мать его детей, умерла). Это случилось в Армении, на астрофизической лаборатории, где она работала вместе с академиком Алихановым. Смерть была скоростной. Дмитрий Дмитриевич с сыном вылетели в Армению. Вернулись в Москву пассажирским самолетом, а гроб с Ниной сопровождал добрейший человек, композитор Адам Худоян, друг Арно Бабаджаняна и всех нас. Секретарем, которая вела все дела Шостаковича, была Зинаида Гавриловна Гянова, интеллигентная приятная дама лет 60-ти. Жили и Шостакович и Хачатурян в одинаковых квартирах жилого дома Союза композиторов друг над другом. Мне было тогда лет 30, и меня интересовал их быт.

Арам Ильич Хачатурян – живой, эмоциональный, активный, неравнодушный, таким он был в нашей жизни, и, казалось, он всегда будет в ней, так же как и она ощущается постоянной, пока мы в ней. Он был и внешне заметный – выше среднего роста, с крупными выразительными чертами лица, с устойчивой выходящей волос, с выражением удивления в больших красивых глазах.

Впервые я увидела Ар. И. в Ереване, в конце войны. Он приехал с Ниной Владимировной и с сыном Рэником. Всей семьей они были в доме моих родственников – и тот теплый день никогда не исчезнет из памяти! Милая, изящная, Н.В. с милой грацией и девичьей непосредственностью плавно станцевала несколько па армянского народного танца. Маленький Рэник возился с миниатюрной моделью пушки. Юношески горячо говорил Арам Ильич о своих творческих планах, встретив в лице моего дяди внимательного собеседника и почитателя его таланта. Позже, уже когда моих родных не стало, Арам Ильич продиктовал на пленку воспоминания о дяде и о том времени, в частности. Но это потом. А тогда была молодость, были прекрасные планы, были силы, талант, вдохновение и возможность осуществления всех творческих замыслов. Результатом того разговора было решение правительства Армении дать возможность Ар. И. работать в Армении, а конкретно ему был построен и подарен небольшой особняк с садом, где он мог жить, работать, приезжать в любое удобное для себя время и чувствовать себя в Армении – дома. Сейчас там музей Хачатуряна.

Входная дверь в московскую квартиру Арама Ильича была дубовая, массивная, с бронзовой ручкой. В квартире – ковры, много полированного дерева. Холл, столовая-гостиная с раздвижной деревянной стеной в рабочий кабинет хозяйки, где стояли рояль, конторка, диван, низкий столик. Стенной шкаф занимал всю стену, противоположную окну, за стеклами шкафа масса фотографий: Арам Ильич с женой и папа Римский, Арам Ильич с женой и Чарли Чаплин, Арам Ильич с женой и другие знаменитости. Из холла была дверь направо в комнату их сына Рэника (Карена), а налево – внутренний коридор, куда выходили спальни Арама Ильича и Нины Владимировны, ее рабочий кабинет, ванная комната, хозяйственная комната перед кухней, кухня и кладовая. В стеклянной горке в столовой, на столешках, шкафчиках много подарков из разных стран. Я помню, как однажды, когда Арам Ильич только свелился в эту квартиру дома Союза композиторов (до этого он и Нина Владимировна занимали две небольшие квартиры в Доме композиторов на Мясницкой), он вошел с овалом предметом в руках (я ждала его, так как писала в то время диссертацию о его киномузыке) и спросил: "Угадай, что это?" – "Зеркало?" – "Нет, прекрасная черная доска для унитаза", – он искренне радовался каждой ме-

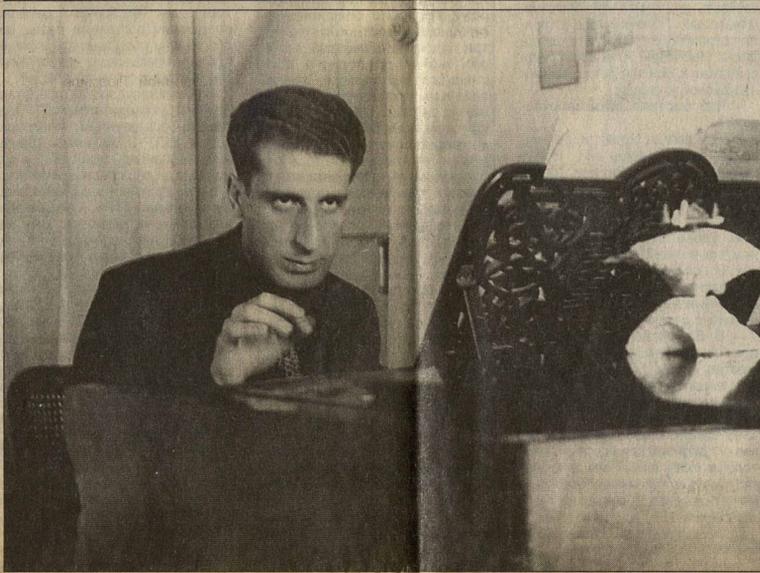
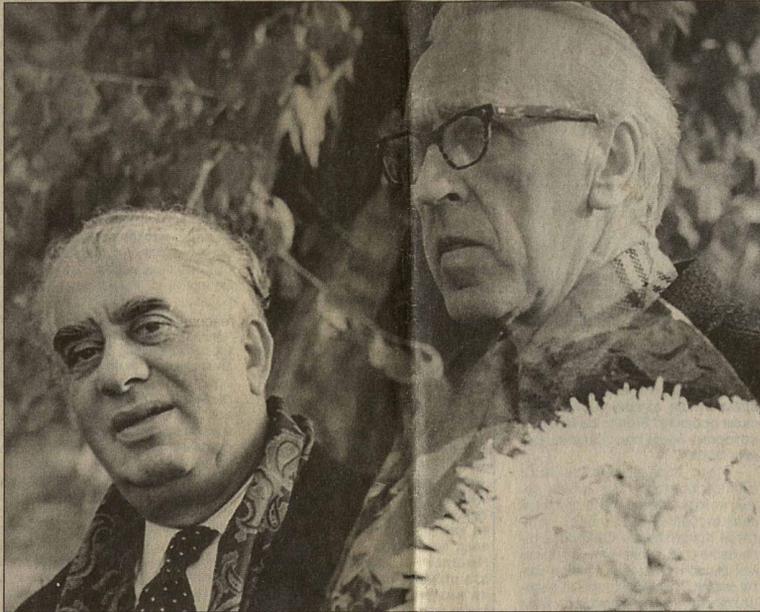
лочи. Его 60-летие широко отмечалось. Был банкет в ресторане. Я пришла утром к нему домой вместе со своей 5-летней дочкой. В подарок я принесла красивый старинный стеклянный кубок для вина. Дома были он, жена и дочь от первого брака Нунэ. В столовой стоял на отдельном столике огромный шоколадный торт, его прислала певица Кларина Григорян. Нина, жена А.И., беспомощно обратилась в никуда: "Нарезьте кто-нибудь торт". Он так и остался нетронутым. Потом повела мою дочь в свою комнату, показала коллекцию кукол и сказала: "Только не трогай". Уходя, моя маленькая дочка сказала: "Какая странная семья". Через несколько дней я встретила Арама Ильича, он обижено спросил: "Почему ты меня не поздравила?" – "Как? – удивилась я. – Вам не понравился бокал?" – "Он был прекрасный, но не было телеграммы, и в истории твоего поздравления не отнеслись". Таких милых смешных мелочей было много. Но о них позже, а сейчас вернусь к квартире, где жил Дм.Шостакович.

Шостакович

Поднимаюсь двумя этажами выше, я заходила по редакторским делам к Дм.Шостаковичу – резкий контраст с квартирой А.И., голые стены прихожей, в большом кабинете (который занимал площадь над спальней Хачатуряна и кабинетом Н.В.) стояли два черных рояля, письменный стол, на стенах в рамках – дипломы зарубежных академий, небольшой рисунок "Митя Шостакович" Кустодиева, а в столовой, скромной и строгой, на стене огромная яркая картина Вильямса. Позже, когда Д.Д. женился на Ирине Антоновне, многое изменилось. Но тогда, в мои первые приходы, у Дм.Шостаковича было только он сам, зажатый, как бы бесстрастный, предельно вежливый, молчаливый, за стеклами очков глаза – и беспомощные, и пронизательные. Для меня его домашний мир тех лет (59–61 гг.) виделся в неприязнительности к быту и в контрасте белых стен с сочной палитрой рубеновской "бабы". Я тогда пыталась увидеть, как уживаются этот контраст, как проявляются у Д.Д. интерес к такой живописи. Но, когда впервые услышала "Катерину Измайлову" и слушала ее взахлеб неоднократно, я ощутила близость Д.Д. к той картине, богатство, страстность скрытых чувств, их внешнею незаметность, глубокую запряженность за оправой очков.

Зинаида Гавриловна была верной помощницей. Как-то она передала мне письмо от Шостаковича на имя Микоян, моего свекра. Смысл письма был такой: Дм.Ш. при Сталине получил от правительства в подарок дачу. Она была небольшая, без особых удобств. Прошло несколько лет, и он купил себе другую – бывшую дачу крупнейшего физика, его друга – Алиханова. Ту, подаренную, дачу он хотел вернуть правительству, о чем и писал члену Политбюро Микояну.

Письмо я передала помощнику свекра, Барабанову; у нас в семье не было принято по делам обращаться самим к Анастасу Ивановичу. Прошло довольно много времени – может быть, месяц или два, как-то меня спросила Зинаида Гавриловна, передала ли я письмо, так как никакого ответа у них нет. Я позвонила Барабанову. Человек он был необразованный, хитроватый, вероятно, ловкий. Был он очень предан Анастасу Ивановичу. Он сказал, что ничего не передавал А.И.В., так как надо еще разобраться, почему Шостакович возвращает дачу даром в то время, когда мог бы ее продать, ведь это уже его собственность. "Тут что-то кроется". Меня пожурил за наивность, и на этом разговор окончился. Прошло несколько дней. На каком-то приеме Шостакович подошел к Микояну и спросил, как ему вернуть дачу правительству, он так долго ждет ответа на письмо. Микоян был удивлен и, узнав, что письмо передано давно через меня, сразу по приходу домой спросил меня с возмущением, где до сих пор письмо Шостаковича? Я объяснила все подробно (что два месяца

Вверху слева: А.Хачатурян и Д.Кабалевский. В центре: А.Бабаджанян. Вверху справа: А.Бабаджанян и С.Намин. Внизу: А.Бабаджанян и Д.Шостакович

назад передала его в секретариат Барабанову и что Барабанов мне ответил). На другое утро вопрос был решен, мне позвонил Барабанов и лютым голосом почему-то передо мной начал оправдываться.

Дмитрий Дмитриевич увлеклся кроссвордами. Как-то он сказал, что не может вспомнить слово, обозначающее "живопись на воздухе", я вспомнила – "пленэр". Это его обрадовало. Мы разговорились. Тогда он рассказал, что не может видеть срезанные цветы, не может видеть птицу в клетке. Я осмелилась сказать ему о своем восторге от музыки оперы "Катерина Измайлова", которую слушала и смотрела 4–5 раз в Театре Станиславского и Немировича-Данченко, о возникшем чувстве ее родства с картиной, висевшей у него дома и так поразившей меня контрастом с ним, таким, каким мы его видим, а услышав эту музыку, поняла, что контраста нет, что это такое разное все в нем. Картина, висевшая при жизни Дмитрия Дмитриевича в его столовой, а потом в кабинете, каждый раз привлекала мое внимание, и однажды, когда я работала во Всесоюзном агентстве авторских прав, я, придя по делам, привела к Д.Д. фотографа и попросила разрешения у Дм.Ш. сфотографировать его под этой картиной.

Дмитрий Дмитриевич я знала и по периоду своей работы референтом по музыке в Комитете по Ленинским премиям. Я начала там работать с 1957 года, когда он был создан взамен Комитета по Сталинским премиям. Был период хрущевской "оттепели". Были надежды...

Членами комитета стали видные деятели культуры страны. Председателем был Николай Семенович Тихонов, членами комитета – Твардовский, кинорежиссер Василий Шостакович, Хренников, Соловьев-Седой, Тактакишвили, Ауэзов, Кибальников, Рашидов (позже – Солухин). По году, Вучетич, Черкасов, Тарасова и другие. Комитет собирался в год два-три раза, рассматривали и обсуждали предложенные произведения – я больше имела дело с секцией музыки. Дм.Ш. обычно говорил немного, очень

нервничал, руки делали механические движения к лицу, пальцы чесали щеку, потом заламывал их за спину, часто повторял одно и то же слово, скороеворкой и в то же время запинаясь, он высказывал свое мнение честно и доброжелательно. Соловьев-Седой был всегда слегка "выпиши" и начинал со слов: "Ну что мы решаем, кто должен стать лауреатом? Все ими будут по очереди, по ленточке". В первый год дали посмертно Прокофьеву, во второй отмечен Шостакович, и дальше слова Соловьева-Седого еще несколько лет сбывались.

Бабаджанян

С Арно Бабаджаняном меня связывали сложные отношения. Он был увлечен мной еще в Ереване, но моя юношеская инфантильность не понимала, что именно главное в человеке. Меня привлекали тогда смазливые парни, и великий талант его прошел мимо меня. Он женился в Москве, там, где и учился после консерватории, в Доме культуры Армении – своеобразной аспирантуре для армянских талантов.

Потом мы снова подружились, и теплая близость продолжалась до конца его жизни. Он умер от злокачественной болезни крови, перешагнув через 60-летие, написав гору популярных песен, которые рождались у него мимоходом, под давлением жены. Она занималась и широкой популярностью, искала певцов, редактор на радио и т.д. Она была его продюсером, менеджером, производила огромную работу, и результатом были огромные деньги, ради которых все делалось.

А Арно жил своей жизнью, часто прорывалось у него, что мало написал серьезного, что мало выступал с концертами – он был великодушный пианист. Как-то он играл на фестивале "Закавказская весна" в Тбилиси. Я была с ним, ждала за кулисами. Он сыграл две своих последних песни, его вызывали нескончаемо на "бис". Он играл снова то же самое, а потом грустно сказал мне: "Так хочется играть, я только что был очень счастлив, но у меня, кроме этих двух песен, ничего не

таса Ивановича) на Воробьевых горах. Было лето. Мы сидели до утра и без остановки хохотали, кстат, Алешу, моего мужа, мои друзья любили, и он их тоже. Когда уходили, мы провожали их до калитки, Генрих за руку попрощался с дежурным чекистом, пожелав ему счастливого Нового года, тот удивленно посмотрел, но Генрих объяснил: "Кто знает, попаду ли я сюда снова к Новому году, так что я поздравляю сейчас". Этого было достаточно, чтобы мы все снова хохотали.

Каждый эпизод, каждая встреча с кем-либо, кто заслуживал улыбки, были рассказаны и обиграны с таким ярким мастерством, беззлобным юмором, что никто из тех, кто знал этих невероятно талантливых людей – Генриха и Арно, – никогда не забудет не только их самих, но и ту атмосферу веселья, которая всегда сопровождала их.

Генрих умер от рака. Жил он в семье второй жены, красивой русской женщины Марины. Он лежал дома – в том здании на Старом Арбате, где позже было Министерство культуры СССР (в эту пору бессмысленно была ухлопана масса денег). Марина позвонила мне и сказала, что Генрих очень хочет почувствовать вкус севанской рыбы, ест он уже не мог, но хотя бы прикоснуться. Я, имея возможность заказывать продукты на спецбазе, живя в семье члена Политбюро, достала ее, принесла. Мы с Мариной стояли в коридоре, и я не знала, как войти в комнату, что сказать Генриху, милому, дорогому другу, который был при смерти. Как посмотреть на него? С напиранием я приоткрыла дверь, вижу – Генрих, исхудавший, с улыбочкой говорит мне: "Ты знаешь, тебе очень идут подкрашенные глаза, как это ты раньше не сообразила их красить?" – И сразу мне разговорить стало легко и просто.

Он уже быстро устал, и я скоро ушла. Сколько смешных эпизодов он рассказывал и показывал из работы на киностудии – он был ассистентом С.А.Герасимова по "Молодой гвардии", режиссером фильма "3-2", в ранней молодости работал стажером в Ереване, в Драматическом театре им.Сундукяна. Тот период был весь в розыгрышах, в веселье и остроумии. Вместе Генрих и Арно, перебивая друг друга, блистали остроумием и заражали им всех. Это передавалось и Майе Плисецкой, которая изумительно изображала отца жены Арно, Терезы, как он осторожно заглядывал в комнату, где мы сидели за столом, ели, немного пили и очень много смеялись, а он, медленно обведя глазами нас всех, так же осторожно, как вначале, скрывался за медленно закрывающуюся дверь. Я до сих пор помню веселый хохот Родика (Родиона) Щедрина и его голос, обращенный к Арно Бабаджаняну, – "Арноша". Какое счастье – дружба таких блистательных, талантливых людей. Мы были молоды, счастливы и веселы.

Каждой встречей с Арно, Генрихом Оганесяном, кинорежиссером, ассистентом Герасимова, превращалась в веселый праздник-розыгрыш. Помню первую американскую выставку в Сокольниках. Семья Анастас Ивановича дала билеты на всех членов, так как у меня гостила сестра, то на нее билет дали тоже. Каждый билет был на два лица, и я пригласила Генриха. Сестра моя пошла по билету с моим мужем, а я с Генрихом. Дорога в парк была вся в рядах охраны, мы подходили к главной группе охраны. Генрих мне тихо сказал: "Посмотри, я билет уберу в карман, а они нас и так пропустят". Это было трудно представить при существовавшем порядке, строгом проходе и таком количестве охраны, которая проверяла билеты, сверяла с паспортами, с фотографией. Когда мы подошли к главному чину, тот сказал подчиненным: "Это Латинская Америка, можно не просить показывать билет". Генрих шел молча, важный, с набригаженными волосами, выставлял какой-то особый, независимый и размеренный походкой. Так мы проскочили зайчиками и очень потом жалели, что не взяли жену Генриха Марину.

Редкий талант отличал композитора Арно Бабаджаняна и его друзей. Во время их учебы в Москве они постоянно шутили, играли, да это продолжалось всю их жизнь. Генрих, встретив на ул. Горького красивую девушку, подошел к ней и необычайно вежливо спросил ее помочь ему, бедному слепому, перейти улицу. Она поддалась его убедительному голосу, неуверенной походке, брала его под руку, за время пути он узнавал ее имя, адрес, а дальше – как когда.

Щедрин и Плисецкая

Р.Щедрина я знала с 1957 года, когда мы с Алешей поехали в туристическое путешествие по Египту.

Поскольку моя работа всегда была связана с музыкой, то Щедрин я встретила и позже, когда беззаботность юношеской дружбы отошла. Помню премьеру его оперы "Мертвые души" в Большом театре – была неожиданная музыка, очень глубокая, саркастичная. У меня сохранились программа с теплой надписью и ответы на вопросы по опере, написанные Родиком, Родионом Константиновичем. Прекрасный балет написал он и по музыке "Кармен" Бизе, который танцевала Майя Плисецкая, его жена. В балете была собрана как бы квинтэссенция смыслового сюжета, характера Кармен, ее драматическая судьба. Были балеты "Чайка", "Анна Каренина" – для Плисецкой. Меня поразили его последние произведения, которые я слушала в Москве, глубокие и трагичные. На премьеру в Большом зале консерватории я пошла его поздравить и поблагодарить, спросила: "Откуда такая трагедия?" Он ответил: "Это живет во мне".

Почему-то запомнились самые разные эпизоды – встречи на маленькой даче Плисецкой и Щедрина под Москвой в Снегирях, в деревянном домике, с ведущим под лестницу погребом, полным вкусных напитков. Готовила еду бывшая няня Родика, перешедшая от его матери вслед за ним в новую семью. Много веселых шуток было связано и с историями из ее жизни. Родик был прекрасным другом – так чувствовала его я. Помню его разговор, что он любит один на машине уезжать из Москвы к реке, ездить к храму – там он ощущает высокий покой, отдыхает душой.

Работая в Аргентине по авторским правам, я попросила Щедрина принять дома главу немецкого издательства Ганса Сикорского и представителя американской фирмы "Макмиллан". Был прекрасный ужин, гости были ошеломлены присутствием двух великих – Майя была тоже за столом, в платях от Кардена, хвостом ничего не ели, рассказывали много интересного для гостей. Провожая меня на машине до дома, Родик спросил: "Ну, ты довольна? И Щедрин, и Плисецкая..." Он понимал, что для моих зарубежных коллег это было важно, а значит, и мне в дальнейших рабочих контактах.

Давно его дорога ушла далеко. В 1993 году, зимой, я ночью слушала радио "Свобода", говорил Щедрин, и так захотелось взять трубку и позвонить ему в Мюнхен, так вспомнились дружба, молодость и мое постоянное восхищение им. Много было причин нашему внешнему отдалению, но добрые отношения всегда оставались. Я люблю его.

С Майей Плисецкой – уникальной балериной – мы были знакомы с 1952 года. Только ей одной были свойственны особые линии рук, движения пластичные и энергичные: увидел однажды ее облик на сцене, трудно его забыть.

Как странно, что ее судьба сложилась не так благополучно, как это заслуживал ее редкий талант. Мятущаяся в молодости, она такой и продолжала быть многие годы. Я помню ее восторженные рассказы о Лиле Брик и поклонение ей, а позже я воплощение этого встретила в художественной поэме – фотоальбоме кинорежиссера С.Параджанова, который говорил, что дух Лиле Брик продолжился в Майе. Помню работу над первым фильмом о ней Катаняна (кинорежиссера, сына исследователя Маяковского, мужа Лиле Брик). Она сама вкладывала в работу над фильмом много своих сил, ей хотелось признания, массового признания.

Актриса жизнь очень непросто. А к Майе легко было придрачиваться: отец – враг народа, влюбчива (это все считалось проступками). Я с горечью должна сказать один случай, т.к., к сожалению, в нем замешана уважаемая актриса. В то время я еще жила в семье Анастас Ивановича на Воробьевых горах. Звонок телефона. Одна из знаменитых балерин просит переговорить с Анастасом Ивановичем. Спрашиваю его – он кивает головой и берет трубку. Несколько минут слушает, потом говорит "хорошо" и, положив трубку, рассказывает мне: "Звонила так-то. Большой театр едет в Америку. Она требует, чтобы не брали Плисецкую, в противном случае ни она, ни ее партнер не поедут". Майю не взяли. В следующие гастроли Большого театра в США примадонной была Майя.

Помню, она уже была женой Щедрина, жили они на ул. Горького в доме Большого театра. Тогда мы часто виделись. Она позвонила мне, сказала, что я должна срочно приехать с детьми, т.к. ей прислали, кажется, из Англии, двух маленьких собачек, которых она сейчас же собирается отдать матери, и пусть дети посмотрят на чудных щеночков. Майя не могла себе позволить думать о ком-либо или заботиться о собачках – ее цель была работа, работа и только работа. Она хотела признания своего таланта полностью, она боролась за него. Какой болью должно было отозваться в актрисе решение Министерства культуры СССР и Отдела культуры ЦК о том, какие именно балеты будут отправлены на гастроли в США, и это не только не согласовывалось с ней, исполнительницей, а наоборот, делалось вопреки ее многочисленным просьбам.

Я не могу не сказать здесь, что Майя "закрывала дорогу" и в Министерстве культуры СССР, и в Отделе культуры ЦК. Ее бунтарская, гордая натура мешала "власть имущим".

Фото из личного архива автора